

В. Соловьева

И так далее... (Путевые заметки)

Дорожные впечатления я заталкивала в себя без разбора. Некогда было разбираться. «Вот, – думала, – домой вернусь, в спокойной обстановке все обдумаю, рассортирую, по соответствующим полочкам разложу... А сейчас главная моя задача – ничего не упустить». Никогда прежде не ощущала я быстротечность времени и неповторимость каждого мгновения до такой степени пронзительно, как в этом сюрреалистическом путешествии. То, что пропущено, не замечено, – потеряно навсегда. Проехали. Ничего нельзя отложить на потом. Все, что происходит, возможно только здесь и сейчас. Каждый предмет и событие существует в единственном экземпляре.

Но ведь и вся наша жизнь такова. Каждый день – как уходящий поезд. Опоздал – и все уехали без тебя. А ты отстал. На день. На жизнь. На целую вечность.

Кстати, этот поезд мне пришлось догонять неоднократно. И не в переносном, а в буквальном смысле. То заблужусь, то перепутаю что-нибудь. Я даже рассказ сочинила по дороге – про человека, который жил в хроническом разладе со временем. Надо сказать, что ощущение собственного несовершенства всегда было для меня самым сильным стимулом к творчеству. Слово – спасательный круг. Я хватаюсь за него каждый раз, когда не способна справиться с реальной ситуацией или плохо понимаю, что происходит. С детства осознав свою «неправильность» и со временем убедившись в полной бесплодности всех моих попыток «исправиться и приспособиться», я уцепилась за сочинительство как способ самооправдания. И открыла таинственную силу слова: оказывается, то, что названо, существует. И, значит, имеет право быть. Ну, пусть даже не имеет такого права, все равно ведь уже есть, куда ж денешься... Существует, стало быть, и такое явление, как отклонение во времени, то есть частичное или полное несовпадение с основным временным потоком. Да-а-а... И чего только не придумаешь в свое оправдание!...

На мою объективность в изложении событий рассчитывать трудно, ведь потребность в сочинительстве неистребимая вещь, элемент вымысла я добавляю в любую ситуацию, это для меня как соль в пище.

Всю жизнь пишу какие-то полуфантастические истории, натягиваю чужие маски, из-под которых торчат длинные уши моих собственных комплексов и проблем, а для чего это нужно, и сама не понимаю. То есть даже не задумывалась никогда, зачем и почему, до недавнего времени, а точнее – до возвращения из путешествия на «Литэкспрессе».

Участие в этом путешествии я восприняла как неожиданный и незаслуженный дар судьбы. Обрадовалась, конечно. Хотя с самого начала было ясно, что предстоит не развлекательная прогулка по городам и весям Европы, а серьезное испытание. Правда, насколько серьезное, я лишь к концу маршрута более или менее осознала.

Сейчас смешно вспоминать собственные легкомысленные ответы на вопросы журналистов по поводу предстоящего события. Зачем я отправляюсь в эту поездку? Как это – зачем? «На людей посмотреть, себя показать...» Какие цели перед собой ставлю? А чего мелочиться? «Готовься к великой цели, а слава тебя найдет...» Это я перед отбытием такие интервью давала. Храбрилась.

Но за семь недель существования в метафорически сжатом, до предела спрессованном времени многие вещи стали восприниматься иначе. Угол зрения, что ли, изменился. На все. В том числе и на себя саму. Беспечности явно поубавилось. Не скажу, что мне это сильно нравится, но обратной дороги, как оказалось, нет. Поезда не возвращаются. Полтора месяца жизни под прицелом кинокамер и множества глаз научили смотреть на себя со стороны – оценивающе, беспристрастно. И увиденное несколько обескуражило.

Я рассказ по дороге сочинила. Там сжатие времени доходит до предела, а потом оно начинает раскручиваться в обратном направлении. И человек проживает свою жизнь задом наперед. Этим, в частности, мне тоже пришлось заниматься по ходу движения поезда. Препарируя свою судьбу, я пыталась понять, какие свойства моей личности являются индивидуальными особенностями, а какие социально, исторически, национально, генетически обусловленными. Вообще-то, такие расследования, в соответствии с требованиями техники безопасности, лучше производить не на себе, а на других. И уж во всяком случае не в такой экстремальной ситуации. Но прежде эта тема не слишком меня занимала. Конечно, я имела представление о таком понятии, как «национально-культурный архетип», но даже не подозревала, до какой степени это имеет отношение непосредственно ко мне.

Когда-то, повинувшись инстинкту самосохранения, я установила для себя такие правила: не ломать голову над вопросами, которые лично меня не

касаются, и не загружать себя проблемами, решить которые я не в состоянии. Звучит вроде бы разумно и даже красиво, но есть в этом некоторое лукавство, потому что границы-то своих интересов и возможностей каждый человек сам для себя определяет. Огораживая себя красными флажками: «Это мне безразлично», «В это я не имею права вмешиваться», «Это от меня не зависит», – я постепенно исключила из сферы своих интересов очень многое. Идеологически выдержанную информацию организм отказывался воспринимать и усваивать, политика вызывала отвращение, пропаганда отторгалась. Я решила раз и навсегда, что так называемая «идейная борьба» – это либо столкновение корыстных интересов, либо несовпадение искренних заблуждений одних хороших людей со столь же искренними заблуждениями других. Абсолютной правоты не бывает. И неправоты тоже. Бывает нежелание или неспособность понять друг друга. В общем, под видом неприятия общепринятых шаблонов и стереотипов я успешно создавала свои собственные, чем лишь отдаляла себя от мира, нисколько не приближаясь к истине.

Комфортно человек может себя чувствовать лишь в прокрустовом ложе собственных представлений об окружающей действительности, а оно у меня очень быстро начало трещать по всем направлениям.

Порция впечатлений, заглоченная разом, оказалась слишком велика – переварить ее целиком я не в состоянии. В сознание, затянутое тиной привычных размышлений по малозначительным поводам, плюхнулся увесистый ком вопросов, над которыми я предпочла бы вообще никогда не задумываться. Вот и выковыриваю теперь их (вопросы, то есть), прочно увязшие в сером веществе, терзая себя поисками несуществующих ответов.

Стихи из дорожного дневника:

Игрушечный искусственный мирок
Исхожен мною вдоль и поперек.
Я, правда, понимала не вполне,
В каком я веке и в какой стране,
И даже в измерении каком...
Я это все придумала потом –
Слова подставляю, мысли причешу
И скоро непременно напишу,
Что мир разнообразен и велик
И не вместить его в единый миг,
В одну мечту, в один забытый сон,
В смешенье наций, судеб и времен...

«На людей посмотреть» мне удалось. Еще как! Их было сто двадцать – писателей, ярких личностей, неповторимых индивидуальностей, с которыми случай свел меня на эти семь недель, поместив в замкнутое пространство движущегося поезда (символ уходящего века?) и воздвигнув при этом с тру-

дом преодолеваемые языковые барьеры. А кроме этого были бесчисленные встречи и знакомства на промежуточных станциях. Узнавания... Расставания... В общем, все – как в жизни. Только гораздо быстрее.

Стихи из дорожного дневника:

Я в эту толстую тетрадь
Писала на ходу,
Еще не зная, что сказать,
А что иметь в виду.
Но жизнь, накопленная впрок,
Лилась через края...
И застревала между строк
Загадка бытия...

«Себя показать...» Жизнь на виду – занятие, как оказалось, довольно изматывающее. Впрочем, если привыкнуть, от этого, наверное, даже можно получать удовольствие. Живут же так постоянно политики, актеры, тележурналисты. Но для этого нужно относиться к себе всерьез. Пове- рить, что внимание к тебе вызвано не теми обстоятельствами, в которые ты попал по воле случая, а какими-то твоими личными качествами. Что твое мнение действительно важно и все желают его услышать... Опасное состояние. Жизнь напоказ размывает границы личности, а почему эти границы так важны именно для писателя, объяснять долго, и вряд ли я смогу сказать что-то новое по этому поводу.

Стихи из дорожного дневника:

И вот опять движенье
Дождям наперерез.
В моем мировоззренье
Невиданный прогресс.
Я боль запеленаю,
Досаду усмирю.
Чем больше понимаю,
Тем меньше говорю.
Натягиваю маску,
Подальше спрятав суть...
Меня везут не в сказку,
И этот трудный путь
Чужим аршином мерю,
А свой поберегу,
И все притворней верю,
Все искреннее лгу.

«Мир увидишь...» – откровенно завидовали мне перед отъездом зна- комые. Увидела... Посетили мы восемнадцать городов (на самом деле, значительно больше, потому что, кроме указанных в маршруте, были и

другие, куда мы заезжали всего на несколько часов. Например, бельгийский город Ипр, где впервые был применен отравляющий газ иприт. Брест в Белоруссии. Пригороды Санкт-Петербурга. И так далее...).

Но лучше рассказывать по порядку.

Узкие улочки. Гроздьями висящие на каменных уступах дома. Теплое влажное дыхание океана... Это Лиссабон. Там мы пробыли двое суток.

Четвертое июня. Пять часов утра. С вещами на выход. Мчащийся поезд. Лицом прилипаю к окну. Петлистые гигантские кактусы, развесистые пальмы, апельсиновые рощи, холмы. Среди зелени – огромные каменные проплешины, грубые бородавчатые наросты скал, вспухающие из-под земли жирные валуны. Это Португалия.

Средневековые замки на холмах, мощные стены, башни, подпирающие облака... Испания.

Память услужливо подсовывает литературные ассоциации. Но воспринимать увиденное как ожившие иллюстрации к хрестоматийно известным текстам я себе не позволяю. «Читать» можно и сидя дома. А в эту реальность я пытаюсь вжиться сама.

Мадрид подавляет своей роскошью. Его слишком много. Все чересчур – дворцы, фонтаны, сады, скульптуры. И совсем другой облик у ночного города – романтический, галантный, таинственный...

Париж. Круговой обзор с вершины Эйфелевой башни. Бегом по Лувру. Сена, Монмартр, Нотр-Дам, Монпарнас... Голова кругом.

Сказочный Лилль. Уютные улочки, разноцветные домики. «Мне хотелось бы здесь хоть немножко пожить!» – воскликнула я, едва сойдя с поезда. Проехали и Лилль...

Все прекрасно – и ничего нельзя удержать ни на одно мгновение. И ничто тебе не принадлежит. Все увиденное бережно оборачиваю, обволакиваю словами, отчаянно пытаюсь сохранить, сберечь, хотя бы в памяти.

И никак не желаю смириться с тем, что это невозможно.

В Брюсселе мы пробыли всего один день.

Стихи из дорожного дневника:

Я шагаю по Брюсселю,
Еле ноги волоча.
Сели, встали, снова сели,
Сумка падает с плеча.
На ногах уже мозоли.
На зубах скрипит песок...
Сколько муки! Сколько боли!
Сколько счастья между строк!..

Почти всю дорогу я – сначала искренне, потом добросовестно, потом из последних сил – восхищалась всем подряд. А ближе к концу маршрута вдруг с ужасом обнаружила, что больше восхищаться не способна. Вы-

дохлась. Я даже разревелась однажды – такая красота кругом, и вижу я все это в первый и, может быть, последний раз, а никакого восторга не испытываю. Тогда я попыталась сочинить рассказ о человеке, который обладал чудесным даром – стоило ему пожелать чего-нибудь, как это немедленно исполнялось. При одном условии – желание должно быть очень сильным... «Ну и что? – тоскливо подумала я. – И так ясно, что скоро желать ему ничего не захочется... Да, наверное, уже писали об этом сто раз до меня».

Банальный вывод: оказывается, для того, чтобы сочинять, нужна острота ощущения и свежесть восприятия. А также наивная (нахальная!) уверенность в том, что кроме тебя до этого никто не способен додуматься.

Интересно получается: избыток внешних впечатлений сдерживает полет фантазии, а при отсутствии встрясок и толчков извне замедляется творческий процесс. Вот если бы рассчитать для человека оптимальный режим смены периодов потрясения и покоя, тогда, наверное, каждый смог бы реализовать свой потенциал наилучшим образом. Причем этот ритм не должен быть монотонным, непременно нужно учесть элемент неожиданности, непредсказуемости...

Но ведь это и есть жизнь. У каждого своя. Зачем еще что-то рассчитывать и искусственно создавать?

И еще я подумала, что прогресс, реализуя человеческие желания, оказывает нам медвежью услугу. Ведь его (прогресс) остановить невозможно, а желания наши, как и способность наслаждаться, наоборот, имеют предел. И он не так уж высок. А дальше что? Тупик? Извращение человеческой природы для того, чтобы прогресс имел возможность развиваться дальше?.. Тоже, впрочем, не ахти какая свежая мысль.

Стихи из дорожного дневника:

В чужом краю, не зная языка,
Я заплутать могу наверняка
И все-таки, куда б я ни свернула
Есть выход из любого тупика.
Не тот трамвай и улица не та,
Жара, гроза, томленье, суета -
И все же, что бы я ни натворила,
Жизнь начинаю с чистого листа.
Опять к перу потянется рука,
И ровно ляжет первая строка:
Куда бы жизнь меня ни заносила,
Есть выход из любого тупика....

...Наш бесконечный путь закончился в Берлине. Была волшебная ночь поэзии и литературный праздник на Александер-плац. Но почему-то ярче всего запечатлелась в памяти грустно-ностальгически-поэтическая экскурсия «Разделенное небо», которую провели для небольшой группы пассажиров «Литэкспресса» два немецких поэта – Уве Кольбе и Рихард Питерс, уроженцы бывшего Восточного Берлина. Они водили нас по пустырям и задворкам старого города, читали стихи, рассказывали о своей молодости, о диссидентских тусовках, проходивших неподалеку от Берлинской стены – в уютном дворике, где молодежь тех лет (начала восьмидесятых) устроила театр под открытым небом. И «сцена» и «зрительный зал» были декорированы обломками колонн и капителей взорванного тогда же старинного здания. Время сделало паузу, и мы прикоснулись к прошлому. Нам показали не достопримечательности, не знаменитые памятники архитектуры, не красивые ландшафты (уж их-то мы повидали немало за полтора месяца), а всего лишь маленький кусочек чужой жизни в тени зловещей стены, некогда разделявшей город и людей. И замкнулась какая-то цепь. Ведь у каждого человека есть своя «Винета» – затонувший город юности. Там уже ничего изменить нельзя. Прошлое прочно вмонтировано в наши души, судьбы, характеры. И хотим мы этого или не хотим, но любить свое прошлое мы просто обречены. Любить свое и считаться с чужим. Несмотря ни на что... Эту мысль я так до конца и не додумала. Потому что снова поймала себя на том, что сочиняю какую-то фантастическую историю – про человека, которому подменили прошлое. И он потерял себя в настоящем. Его просто не стало. Все, что он имел, потеряло смысл. Начался распад личности, разрыв всех связей. И так далее.

Но это уже, кажется, совсем о другом...

